

В. Короленко

Слепой музыкант

Этюд

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. Короленко**
Слепой музыкант: Этюд / В. Короленко – М.: Книга по Требованию, 2021. –
200 с.

ISBN 978-5-518-03072-5

ISBN 978-5-518-03072-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Отъ автора.

(къ шестому изданію).

Чувствую, что пересмотръ и дополненія въ повѣсти, выдержавшей уже нѣсколько изданій, являются неожиданными и требуютъ нѣкотораго объясненія. Основной психологической мотивъ этюда составляетъ инстинктивное, органическое влеченіе къ свѣту. Отсюда душевный кризисъ моего горя и его разрѣшеніе. И въ устныхъ, и въ печатныхъ критическихъ замѣчаніяхъ мнѣ приходилось встрѣчать возраженіе, повидимому, очень основательное: по мнѣнію возражающихъ, этотъ мотивъ всегда отсутствуетъ у слѣпорожденныхъ, которые никогда не видѣли свѣта и потому не должны чувствовать лишенія въ томъ, чего совсѣмъ не знаютъ. Это соображеніе мнѣ не кажется правильнымъ: мы никогда не летали, какъ птицы, однако, всѣ знаютъ, какъ долго ощущеніе полета сопровождается дѣтскіе и юношескіе сны. Долженъ, однако, признаться, что этотъ мотивъ вошелъ въ мою работу, какъ апіорный, подсказанный лишь воображеніемъ. Только уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того, какъ мой этюдъ сталъ выходить въ отдѣльныхъ изданіяхъ, счастливый случай доставилъ мнѣ во время одной изъ

моихъ экскурсій возможность прямого наблюденія. Двѣ фигуры (слѣпой и слѣпорожденный), которыя читатель найдетъ въ гл. VI (стр. 139—150), разница ихъ настроеній, сцена съ дѣтьми, слова Егора о снахъ—все это я занесъ въ свою записную книжку прямо съ природы, на вышкѣ колокольни одного монастыря Тамбовской епархіи, гдѣ оба слѣпые звонаря, быть можетъ, и теперь еще водятъ посѣтителей на колокольню. Съ тѣхъ поръ этотъ эпизодъ,—по моему мнѣнію, рѣшающій въ указанномъ вопросѣ,—лежалъ на моей совѣсти при каждомъ новомъ изданіи моего этюда, и только трудность браться снова за старую тему мѣшала мнѣ ввести его раньше. Теперь онъ составилъ самую существенную часть добавленій, вошедшихъ въ это изданіе. Остальное явилось попутно, такъ какъ,—разъ тронувъ прежнюю тему,—я уже не могъ ограничиться механической вставкой, и работа воображенія, попавшаго въ прежнюю колею, естественно отразилась и на прилегающихъ частяхъ повѣсти.

25 февраля 1898 г.

СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ.

(этюдь).

Г л а в а I.

I.

Ребенокъ родился въ богатой семьѣ юго-западнаго края, въ глухую полночь. Молодая мать лежала въ глубокомъ забытѣи, но когда въ комнатѣ раздался первый крикъ новорожденнаго, тихій и жалобный, она заметалась съ закрытыми глазами въ своей постели. Ея губы шептали что-то, и на блѣдномъ лицѣ, съ мягкими, почти дѣтскими еще чертами, появилась гримаса нетерпѣливаго страданія, какъ у балованнаго ребенка, испытывающаго непривычное горе.

Бабка наклонилась ухомъ къ ея что-то тихо шептавшимъ губамъ.

— Отчего... отчего это онъ?—спрашивала больная едва слышно.

Бабка не поняла вопроса. Ребенокъ опять закричалъ.

По лицу больной пробѣжало отраженіе остраго страда-
нія, и изъ закрытыхъ глазъ скользнула крупная слеза.

— Отчего, отчего?—по прежнему тихо шептали ея
губы.

На этотъ разъ бабка поняла вопросъ и спокойно
отвѣтила:

— Вы спрашиваете, отчего ребенокъ плачетъ? Это
всегда такъ бываетъ, успокойтесь.

Но мать не могла успокоиться. Она вздрагивала каж-
дый разъ при новомъ крикѣ ребенка и все повторяла
съ гнѣвнымъ нетерпѣніемъ:

— Отчего... такъ... такъ ужасно?

Бабка не слыхала въ крикѣ ребенка ничего особен-
наго и, видя, что мать говоритъ точно въ смутномъ за-
бытіи и, вѣроятно, просто бредитъ, оставила ее и заня-
лась ребенкомъ.

Юная мать смолкла, и только по временамъ какое-то
тяжелое страданіе, которое не могло прорваться наружу
движеніями или словами, выдавливалось изъ ея глазъ круп-
ныя слезы. Онѣ просачивались сквозь черныя, густыя
рѣсницы и тихо катились по блѣднымъ, какъ мраморъ,
щекамъ.

Быть можетъ, сердце матери почуяло, что вмѣстѣ съ
новорожденнымъ ребенкомъ явилось на свѣтъ темное,
неисходное горе, которое нависло надъ колыбелью, чтобы
сопровождать новую жизнь до самой могилы.

Можетъ быть, впрочемъ, что это былъ и дѣйстви-
тельный бредъ. Какъ бы то ни было, ребенокъ родился
слѣпымъ.

II.

Сначала никто этого не замѣтилъ. Мальчикъ глядѣлъ тѣмъ тусклымъ и неопредѣленнымъ взглядомъ, какимъ глядятъ до извѣстнаго возраста всѣ новорожденныя дѣти. Дни уходили за днями, жизнь новаго человѣка считалась уже недѣлями. Его глаза прояснились, съ нихъ сошла мутная поволока, зрачекъ опредѣлился. Но дитя не поворачивало головы за свѣтлымъ лучомъ, проникавшимъ въ комнату вмѣстѣ съ веселымъ щебетаньемъ птицъ и съ шелестомъ зеленыхъ буковъ, которые покачивались у самыхъ оконъ въ густомъ деревенскомъ саду. Мать, успѣвшая оправиться, первая съ безпокойствомъ замѣтила странное выраженіе дѣтскаго лица, остававшагося неподвижнымъ и какъ-то не по-дѣтски серьезнымъ.

Молодая женщина смотрѣла на людей, какъ испуганная горлица, и спрашивала:

— Скажите же мнѣ, отчего онъ такой?

— Какой?—равнодушно переспрашивали посторонніе.—Онъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ дѣтей такого возраста.

— Посмотрите, какъ странно ищетъ онъ что-то руками...

— Дитя не можетъ еще координировать движеній рукъ съзрительными впечатлѣніями,—отвѣтилъ докторъ.

— Отчего же онъ смотритъ все въ одномъ направленіи?.. Онъ... онъ слѣпъ?—вырвалась вдругъ изъ груди матери страшная догадка, и никто не могъ ее успокоить.

Докторъ взялъ ребенка на руки, быстро повернулъ къ свѣту и заглянулъ въ глаза. Онъ слегка смутился и, сказавъ нѣсколько незначущихъ фразъ, уѣхалъ, обѣщая вернуться дня черезъ два.

Мать плакала и билась, какъ подстрѣленная птица, прижимая ребенка къ своей груди, между тѣмъ какъ глаза мальчика глядѣли все тѣмъ же неподвижнымъ и суровымъ взглядомъ.

Докторъ, дѣйствительно, вернулся дня черезъ два, захвативъ съ собой офтальмоскопъ. Онъ зажегъ свѣчку, приближалъ и удалялъ ее отъ дѣтскаго глаза, заглядывалъ въ него и, наконецъ, сказалъ со смущеннымъ видомъ:

— Къ сожалѣнiю, сударыня, вы не ошиблись. . Мальчикъ, дѣйствительно, слѣпъ и, при томъ, безнадежно...

Мать выслушала это извѣстiе съ спокойною грустью.

-- Я знала давно,—сказала она тихо.

III.

Семейство, въ которомъ родился слѣпой мальчикъ, было немногочисленно. Кромѣ названныхъ уже лицъ, оно состояло еще изъ отца и „дяди Максима“, какъ звали его всѣ безъ исключенiя домочадцы и даже постороннiе. Отецъ былъ похожъ на тысячу другихъ деревенскихъ помѣщиковъ юго-западнаго края: онъ былъ добродушенъ, даже, пожалуй, добръ, хорошо смотрѣлъ за рабочими и очень любилъ строить и перестраивать мель-

ницы. Это занятіе поглощало почти все его время и потому голосъ его раздавался въ домѣ только въ извѣстные, опредѣленные часы дня, совпадавшіе съ обѣдомъ, завтракомъ и другими событіями въ томъ же родѣ. Въ этихъ случаяхъ онъ всегда произносилъ неизмѣнную фразу: „здорова ли ты, моя голубка?“—послѣ чего усаживался за столъ и уже почти ничего не говорилъ, развѣ изрѣдка сообщалъ что либо о дубовыхъ валахъ и шестерняхъ. Понятно, что его мирное и незатѣйливое существованіе мало отражалось на душевномъ складѣ его сына.

За то дядя Максимъ былъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Лѣтъ за десять до описываемыхъ событій дядя Максимъ былъ извѣстенъ за самаго опаснаго забіяку не только въ окрестностяхъ его имѣнія, но даже въ Кіевѣ „на Контрактахъ“ *). Всѣ удивлялись, какъ это въ такомъ почтенномъ во всѣхъ отношеніяхъ семействѣ, каково было семейство пани Попельской, урожденной Яценко, могъ выдаться такой ужасный братецъ. Никто не зналъ, какъ слѣдуетъ съ нимъ держаться и чѣмъ ему угодить. На любезности пановъ онъ отвѣчалъ дерзостями, а мужикамъ спускалъ своеволіе и грубости, на которыя самый смиренный изъ „шляхтичей“ непременно бы отвѣчалъ оплеухами. Наконецъ, въ великой радости всѣхъ благомыслящихъ людей, дядя Максимъ за что-то сильно осердился на австрійцевъ и уѣхалъ въ Италію: тамъ онъ примкнулъ къ такому же забіякѣ и еретіку—Гарибаль-

*) „Контракты“—мѣстное названіе нѣкогда славной кievской ярмарки.

ди, который, какъ съ ужасомъ передавали паны-помѣщики, побратался съ чортомъ и въ грошъ не ставитъ самого „папезжа“. Конечно, такимъ образомъ Максимъ навѣки погубилъ свою безпокойную схизматическую душу, за то „Контракты“ проходили съ меньшими скандалами, и многія благородныя мамы перестали беспокоиться за участь своихъ сыновей.

Должно быть, австрійцы тоже крѣпко осердились на дядю Максима. По временамъ въ *Курьеркѣ*, изстари-любимой газетѣ пановъ-помѣщиковъ, упоминалось въ реляціяхъ его имя въ числѣ отчаянныхъ гарибальдійскихъ сподвижниковъ, пока однажды изъ того же *Курьерка* паны не узнали, что Максимъ упалъ вмѣстѣ съ лошадыю на полѣ сраженія. Разъяренные австрійцы, давно уже, очевидно, точившіе зубы на заядлаго волынца (которымъ, чуть ли не однимъ, по мнѣнію его соотечественниковъ, держался еще Гарибальди), изрубили его, какъ капусту.

— Плохо кончилъ Максимъ,—сказали себѣ паны и приписали это специальному заступничеству св. Петра за своего намѣстника. Максима считали умершимъ.

Оказалось, однако, что австрійскія сабли не сумѣли выгнать изъ Максима его упрямую душу, и она осталась, хотя и въ сильно попорченномъ тѣлѣ. Гарибальдійскіе забіяки вынесли своего достойнаго товарища изъ свалки, отдали его куда-то въ госпиталь, и вотъ, черезъ нѣскольکو лѣтъ, Максимъ неожиданно явился въ домъ своей сестры, гдѣ и остался.

Теперь ему было уже не до дуэлей. Правую ногу ему совсѣмъ отрѣзали, и потому онъ ходилъ на костылѣ, а

лѣвая рука была повреждена и годилась только на то, чтобы кое-какъ опираться на палку. Да и вообще онъ сталъ серьезнѣе, угомонился, и только по временамъ его острый языкъ дѣйствовалъ такъ же мѣтко, какъ нѣкогда сабля. Онъ пересталъ ѣздить „на Контракты“, рѣдко являлся въ общество и большую часть времени проводилъ въ своей библіотекѣ за чтеніемъ какихъ-то книгъ, о которыхъ никто ничего не зналъ, за исключеніемъ апріорнаго предположенія, что книги совершенно безбожныя. Онъ также писалъ что-то, но такъ какъ его работы никогда не являлись въ *Курьеръ*, то никто не придавалъ имъ серьезнаго значенія.

Въ то время, когда въ деревенскомъ домикѣ появилось и стало расти новое существо, въ коротко остриженныхъ волосахъ дяди Максима уже пробивалась серебристая просѣдь. Плечи отъ постоянного упора костылей поднялись, туловище приняло квадратную форму. Странная наружность, угрюмо сдвинутыя брови, стукъ костылей и клубы табачнаго дыма, которыми онъ постоянно окружалъ себя, не выпуская изъ рта трубки,—все это пугало постороннихъ, и только близкіе къ инвалиду люди знали, что въ изрубленномъ тѣлѣ бьется горячее и доброе сердце, а въ большой квадратной головѣ, покрытой щетиной густыхъ волосъ, работаетъ неугомонная мысль.

Но даже и близкіе люди не знали, надъ какимъ вопросомъ работала эта мысль въ то время. Они видѣли только, что дядя Максимъ, окруженный синимъ дымомъ, просиживаетъ по временамъ цѣлыя часы неподвижно, съ отуманеннымъ взглядомъ и угрюмо сдвинутыми густыми

бровями. Между тѣмъ, изувѣченный боецъ думалъ о томъ, что жизнь—борьба, и что въ ней нѣтъ мѣста для инвалидовъ. Ему приходило въ голову, что онъ навсегда выбылъ уже изъ рядовъ и теперь напрасно загружаетъ собою фурштатъ; ему казалось, что онъ рыцарь, выбитый изъ сѣдла жизнью и поверженный ею въ прахъ. Не малодушно ли извиваться въ пыли, подобно раздавленному червяку; не малодушно ли хвататься за стремя побѣдителя, вымаливая у него жалкіе остатки собственнаго существованія?

Пока дядя Максимъ съ холоднымъ мужествомъ обсуждалъ эту жгучую мысль, соображая и сопоставляя доводы *за* и *противъ*, передъ его глазами стало мелькать новое существо, которому судьба судила явиться на свѣтъ уже инвалидомъ. Сначала онъ не обращалъ вниманія на слѣпого ребенка, но потомъ странное сходство судьбы мальчика съ его собственной заинтересовало дядю Максима.

— Гм... да,—задумчиво сказалъ онъ однажды, искоса поглядывая на ребенка,—этотъ малый тоже инвалидъ. Если сложить насъ обоихъ вмѣстѣ, пожалуй, выйдетъ бы одинъ лядащій человѣчишко.

Съ тѣхъ поръ его взглядъ сталъ останавливаться на ребенкѣ все чаще и чаще.

IV.

Ребенокъ родился слѣпымъ. Кто виноватъ въ его несчастіи? Никто! Тутъ не только не было и тѣни чьей